

ИГОРЬ РУЩЕНКО,

доктор социологических наук, заведующий
кафедрой социологии Харьковского нацио-
нального университета внутренних дел

“Криминальная революция” как социетальный фактор

Abstract

This paper presents an attempt to interpret theoretically the widespread criminalization of social relationships evolving since the Soviet Union's collapse in the 1990s. To a certain extent, criminal revolution is a spontaneous process caused by deep and grave crisis enveloping both the state and the society. A radical alteration of the existing social order, as well as a wide-ranging transformation of social relationships based on criminal ideas, practices, and interactions constitute the essence of this process. It was an inevitable consequence of all the circumstances in the early and middle 1990s: (1) permanent and circulating capital of the state-owned enterprises being privatized as a great profit potential and so as a real attraction for the criminals; (2) a weak state, inefficiency in law enforcement, and half-paralyzed police structures; (3) a vast impoverished population being forced to struggle for survival and for that reason ready to embark on any shady enterprises; (4) new generations of brave and daring criminals. However, the criminal revolution played a role of social catalyst that facilitated the emergence and rapid development of capitalist economic relations, gave rise to an “effective” owner, and even enhanced the social integration. A new historic challenge for Ukraine is to overcome criminal practices and to transform a nowadays social order in our society into the new one, similar to accepted and legitimated in most European countries.

“Великая криминальная революция” — название документального фильма (1994) кинорежиссера, сценариста, артиста и политика Станислава Сергеевича Говорухина (р.1936). Иносказательно: о трансформации, которую пережила Российская Федерация после распада СССР, — падение общественной морали, стремление к обогащению любой ценой, разгул преступности и т.д. [1].

“Случайно брошенное словечко”?

Трехсерийный фильм С.Говорухина под названием “Криминальная революция” не попал в широкий прокат и распространялся в России в основном в розницу на видеорынке. Автор фильма опубликовал и книгу с аналогичным названием [2], которая остается малоизвестной украинскому читателю. Российский деятель искусства и политик нашел весьма удачный метафорический образ, эмоционально точно отражавший представления о том, что происходило в России и в постсоветском пространстве в течение 1990-х годов. Вывод Говорухина довольно категоричен и пессимистичен. Это видно из авторского анонса фильма: “Как криминальная революция, судя по всему, завершилась полной победой жуликов, а великая духовная страна на глазах превратилась в страну воров и негодяев” [3].

Хотя российские телеканалы не приняли фильм к показу, он попал в поле зрения общественности и вызвал определенную дискуссию. С.Кара-Мурза не согласился с категоричностью выводов и с тональностью фильма в том, что касается их дидактических и идеологических аспектов. Он считал, что, признавая окончательную победу “криминальной революции”, мы даем широким слоям лишний повод смириться с ситуацией. Как пишет Кара-Мурза, концепция Говорухина “оставляет лазейку трусу в душе простого человека, позволяет сделать главный вывод: если та революция, о которой нам говорят, уже свершилась, а новый тип государства уже создан, значит, хаос закончился. Из него возник новый порядок, и задача “маленького человека” — к нему приспособиться” [4]. С.Кара-Мурза сделал, на мой взгляд, весьма дальновидный вывод о будущем “криминальной революции”. По его оценкам, настоящая революция произойдет после завершения рыночных преобразований и перераспределения имущества: “...действительная криминальная революция и установление криминального социального порядка произойдут в России только вместе со сломом всех структур советского общества и действительной победой рынка” [4]. Напомню, что перед нами дискуссия 1990-х годов. А сбылось ли пророчество в дальнейшем? Пожалуй, да, если придерживаться логики понимания сущности “криминальной революции”, предложенной Кара-Мурзой. “Я считаю, — продолжает российский ученый, — что криминальной революцией можно считать лишь установление такого социального порядка, при котором практически каждая трудящаяся семья оказывается в неизбежном прямом контакте с преступным миром. Когда у нее просто нет выбора. А Великой криминальной революцией надо считать создание такого строя, когда одновременно с низами криминализован и верх — государственные структуры и крупный капитал” [4]. На мой взгляд, перед нами краткое и правильное по сути определение, довольно точно отображающее социологический смысл того, что произошло в последние годы не только в России, но и, допуская, в Украине. Попробую это доказать, аргументировать и рассмотреть “криминальную революцию” не как случайность, а как закономерность социетального плана для определенного круга обществ переходного типа.

Действительно ли такая “революция” свершилась? Этот вопрос обсуждает историк А.Кива в статье “Криминальная революция: вымысел или реальность?” и приходит к выводу о том, что Россия в 1990-е годы переживает третью буржуазно-демократическую революцию (после предыдущих — 1905 и 1917 годов), однако преобразования имеют “криминальный привкус”: “Ре-

волюция наша есть действительно гражданская (буржуазная) и демократическая, но к ней прилипло столько криминала и полукриминала, жуликов и проходимцев, что она многим честным людям ... показалась криминальной” [5, с. 27]. А вот для юриста А.Тилле вопроса как такового не существует, он использует название фильма Говорухина для титула фундаментальной монографии, посвященной организованной преступности в России [6].

С легкой руки Говорухина “случайно брошенное словечко” (по аналогии с мнением К.Каутского о том, как Маркс бросил в оборот термин “диктатура пролетариата”) превратилось в широко употребляемое понятие, причем не только в России. Им жонглируют и украинские политики (в контексте критики действующей власти либо ее оппонентов) [7], словосочетание используют журналисты для усиления эмоциональной нагрузки текстов [8], но его практически не употребляют социальные исследователи. “Криминальная революция” — далеко не привычное для уха профессионального социолога понятие, поскольку сама наука об обществе изначально ориентировалась на изучение социального порядка и нередко руководствовалась гегелевским тезисом о разумности всего настоящего. “Криминальная революция” в этом контексте — нечто априори асоциальное, не вкладывающееся в рамки здравого смысла и противоречащее социальному порядку. Мы привыкли, что “криминальное” как превращенная форма социального является чем-то маргинальным, отгороженным от “большого” общества, существующим, по крайней мере в концентрированном виде, в местах лишения свободы за заборами с колючей проволокой под электрическим напряжением. Однако при более внимательном и детальном анализе места “преступного” в обществах переходного типа взгляд на его роль может измениться, и тогда, возможно, “криминальная революция” не будет выглядеть как “случайно брошенное словечко”.

Мировые прецеденты

Происходили ли “криминальные революции” в других странах, или же это уникальная констелляция обстоятельств и неповторимая хронология событий на обломках советского общества? Соответствующие прецеденты не типичны для послевоенной истории европейских стран (вряд ли молодежные бунты и этнические волнения во Франции соответствуют этому определению), а вот в странах третьего мира подобные примеры найти не сложно. Признаком “криминальных революций” являются сценарии, по которым “криминальное” выходит за свои обычные границы и проникает в сферы социальной, политической, культурной жизни с интенсивностью и губительностью весеннего наводнения. Такая ситуация, например, сложилась в 70-х и 80-х годах XX века в некоторых странах Латинской Америки. Здесь реальную власть либо на некоторое время, либо в конкретных районах захватили кокаиновые мафии. Сотни тысяч и даже миллионы крестьян, рабочих, охранников, служащих работали (а в какой-то мере до сих пор работают) на мафию, а их доходы и материальный уровень семей зависели от криминального промысла и воли главарей преступного мира. Политики, государственные деятели, полицейские чиновники и военное командование оказались ангажированными в делах наркомафии. В Боливии произошел ряд “кокаиновых путчей”, по инициативе наркомафии возникла сеть штурмовых отрядов под лозунгами фашистского “черного интернационала”, какое-то время при власти находились ставленники криминалитета, а кокаи-

новая индустрия превратилась в ведущую экономическую отрасль. А что же общественное мнение? Интересным феноменом является широкая популярность главарей мафии в низах. Наркобароны предусмотрительно осуществляли нечто, напоминающее социальные программы, строили дешевое жилье, помогали бедным, оплачивали обучение детей, предоставляли стипендии для образования за границей и т.п. В итоге в случае надобности они смело шли на выборы и уверенно их выигрывали.

Колумбия пережила времена так называемого медельинского картеля, объединявшего местных королей наркотрафика. Картель контролировал территорию вокруг второго по величине города страны — Медельины — и был призван оказывать влияние на политику страны в целом. Наиболее известным лидером криминального мира и своего рода символом “криминальной революции” по колумбийскому сценарию был Пабло Эскобар Гавирия. Он погиб в 1993 году в перестрелке, когда его выследила и окружила полиция. Но этому предшествовала так называемая кокаиновая война (1984–1988 годы) и поражение криминальных кланов, которого добились правительственные войска при широкой поддержке США, оказавших им огромную помощь и склонивших чашу весов на сторону официальных властей. Открытые боевые и террористические действия унесли более 11 тыс. человеческих жизней (в том числе 220 судей) [9, с. 412–418].

Нечто подобное время от времени происходит в Бразилии, хотя имеет несколько иную — более явственно социальную почву. Вот как описывает ситуацию в стране уже упоминавшийся С. Кара-Мурза. Цитата большая, однако я решил не прибегать к сокращениям и не пересказывать авторского текста, иначе он утратит важные подробности и наблюдения. “Что означает глубокая криминализация жизни, можно видеть на примере Бразилии... За последние 20 лет с Бразилией сделали то, что сегодня с Россией. Сначала обезземелили крестьян и создали на их землях плантации крупных иностранных компаний. Спасаясь от голода, массы хлынули в города и построили там фавелы — многомиллионные скопления жилищ из жести и картона. О тех, кто живет в фавелах, и говорить нечего — это криминальные государства в государстве. Туда не сует нос полиция, там свои законы, свой суд и скорая расправа. Вступать или не вступать в банду сыну-подростку, идти или не идти на панель подростковой дочке — решают не в семье... В Бразилии был я по приглашению лучшего их университета, он изолирован от ужасного мира бедноты. Жить меня пригласил в свой дом, ради экономии факультетского бюджета, один профессор. Поселок элиты, хотя и не высшей (как-то позвал меня в гости другой профессор, живший неподалеку — так его поселок окружен трехметровой стеной, по всему периметру которой ходят автоматчики). Дом, где я жил — за хорошей оградой, во дворе огромный ротвейлер, снаружи циркулирует по поселку джип с охраной. И все равно, очаровательные дети профессора не могут одни выйти за ворота. Чтобы возить дочек в балетную студию, приходится несколькими семьям скидываться на охранника. Они живут в хрупком, искусственно и за большие деньги защищенном мирке. И мечтают перебраться в США, стиль жизни которых им претит до глубины души — жить там ради детей. Ведь мальчика не убережешь, в школе старшеклассники, подрабатывающие сбытом кокаина, насильно заставят его стать наркоманом. Вот это и есть криминальный социальный порядок — когда ты не можешь избежать насильственного втягивания в него. И человек, всей душой желающий избежать этого, втягивается в этот порядок в двух ипостасях — и жертвы, и преступника.

Криминальный порядок повязывает “благополучных” людей круговой порукой соучастия в убийстве. Стыдливо пряча глаза от себя самого, отцы семейств отчисляют деньги на содержание “эскадронов смерти”, которые и поддерживают хрупкое равновесие между фавелами и коттеджами, регулярно расстреливая проникших на чужую территорию мальчишек-бедняков. В большинстве своем эти “социальные чистильщики” — служащие полиции, хотя и делают эту свою работу в свободное время. Преступность сверху и снизу смыкается” [4]. Иногда зыбкое статус-кво в бразильских городах нарушается, и тогда начинается то, что журналисты и политические обозреватели прямо называют “криминальной революцией”. Так и произошло весной 2007 года. В те жаркие дни и ночи открытые боевые действия на улицах Сан-Пауло развязал военизированный отряд местной мафии, называющий себя “Первым боевым отрядом столицы” (Primer Comando de la Capital — РСС). Этот отряд в “мирное время” осуществляет контроль за наркоторговлей в Сан-Пауло. Атака мафии была попыткой применить средства криминального террора для возобновления статус-кво, которое, по мнению местных боссов мафии, нарушила власть, когда перевела осужденных криминальных авторитетов в отдаленные от столицы места лишения свободы. Одновременно в тюрьмах произошли бунты, в заложники были захвачены более двухсот человек, а на улицах столицы начались беспорядки, поджоги автомобилей, штурмы полицейских участков и т.п. Жизнь Сан-Пауло на некоторое время была парализована, закрылись школы, люди не рисковали выходить на улицу, не работали официальные учреждения. Погибло более 150 человек. Подобные вещи происходили и в 2003 году, но убитых тогда было меньше [10].

Примеры стран Центральной и Южной Америки показывают, что “криминальные революции” вспыхивают в развивающихся странах при определенных условиях. Во-первых, нужна массовая социальная база в виде обнищавшего и брошенного на произвол судьбы населения, решительно настроенного выжить любыми доступными способами, не задумываясь о законности или противоправности своих практик. Во-вторых, наглость, сплоченность, амбициозность лидеров преступного мира, которые не останавливаются перед тем, чтобы бросить вызов властям, прибегнуть к криминальному террору, которые преследуют цель установить собственный порядок, который представляется им более справедливым и эффективным. В-третьих, слабость государства, коррумпированность политиков, неспособность правоохранительных органов эффективно бороться с криминалитетом или прямой сговор полицейских чиновников и судей с боссами мафии. В-четвертых, наличие определенной материальной базы, создающей мощный мотив для “революционеров”. Так, к югу от США “главным призом” мафии и экономической базой “криминальных революций” являются наркотики, производимые и продвигаемые в качестве экспортного товара на криминальные рынки “великого северного соседа”.

Конstellляция факторов в родных пределах

А сложились ли подобные предпосылки в начале 1990-х годов в Украине? Безусловно. В отношении обнищания украинского населения в первой половине 1990-х сказано и написано довольно много, и я не буду на этом останавливаться. Хотя молодое украинское государство во многих аспектах и продолжало советские традиции в плане организации органов власти, в частнос-

ти правоохранительных, на деле оказалось довольно слабым и не имело реальных ресурсов для преодоления общего хаоса и противодействия криминализации общества. Милиция и другие правоохранительные органы вследствие ряда обстоятельств (это отдельная тема, и развивать ее здесь из-за недостатка места не стоит) оказались полупарализованными и не могли сдерживать нарастание криминализации общественных отношений. То есть в этих аспектах мы почти полностью соответствовали указанным выше условиям. Существенное различие составляют материальные стимулы и “главный приз”. На руинах советской социалистической экономики остались по-настоящему огромные материальные ценности и реальные капиталы (по классическому определению Маркса, это то, что может приносить прибыль), накопленные многими предшествующими поколениями в виде основных и оборотных средств предприятий. А теперь они предназначались для приватизации. В новообразованных странах не было собственников и капиталистов, которые бы имели легальные средства для широкой приватизации. Более того, государство, реформаторы, законодатели не открыли легальных путей для обогащения в сжатые сроки. Честный бизнес при условии выплат государству всех налогов даже теоретически ничего, кроме убытков, не приносил. В итоге эта задача имела только одно возможное практическое решение: быстрое обогащение и приватизация “общенародной” собственности через криминальные практики с широким неформальным вовлечением государственных органов и заинтересованных чиновников. Тем самым государство “вырубилась” как эффективный контрольный орган, поскольку де-факто становилось на сторону криминалитета, теневых дельцов и нуворишей.

Не замедлили появиться и доморощенные мафиози и авторитеты криминального мира. В этой сфере было настолько тесно, что неминуемо вспыхивали гангстерские войны, хронология которых отмечена почти ежедневными (в определенные периоды криминальной истории Киева, Крыма, Донецкого региона) убийства на почве конкуренции, раздела сфер влияния, по мотивам мести и вследствие желания криминальных главарей утвердиться в роли “общественных лидеров”, чтобы одним своим именем наводить ужас на общественность. Но, с другой стороны, социальный дарвинизм сугубо функционально сыграл позитивную, согласно внутренней логике “криминальной революции”, роль, поскольку на повестке дня было появление собственных выдвиженцев и харизматиков, а не наследственных “аристократов” или назначенных “начальников”. Это был первый период “криминальной революции”, когда собственно и создавал свой фильм С.Говорухин, а С.Кара-Мурза отрицал выводы автора фильма и добавлял, что настоящая “криминальная революция” еще грядеши.

“Революционная мобилизация” вскоре явила миру два главных типа “героев”: с одной стороны, старой закалки, которые прошли тюремные университеты, были преданными так называемой воровской идее и пытались до последнего придерживаться определенных правил и криминальных “законов”; а с другой — “авторитетов нового разлива” — “беспредельщиков”, которые рекрутировались из круга советских разночинцев (спортсмены, уволенные в запас военнослужащие и работники правоохранительных органов, молодежь без определенных занятий, рядовые рабочие и служащие). Эти “самовывдвиженцы” якобы не имели “формальных” прав быть лидерами преступного мира, но “компенсировали” это тем, что легко, без колебаний и вызывающе применяли силу, оружие и обладали колоссальной волей к

власти. “Неофиты” не гнушались новыми или уже призабытыми криминальными практиками — рэкетом, торговлей оружием, бандитскими нападениями, торговлей наркотиками и “живым товаром” — и привносили туда свойственный им цинизм, грубость и беспредел даже по криминальным меркам. Так рождались грозные бандиты эпохи капитализма. Но обычно жизнь настоящей бандгруппы недолга — год, два, три, и ее уничтожают органы правопорядка или конкуренты. Наиболее талантливые воры шли другим путем: прибегали к масштабным мошенническим схемам, создавали финансовые пирамиды, продавали “воздух”, брали в государственных банках кредиты, априори не предполагавшие возврата, и т.п.

Итак, в начале 1990-х годов мы получили констелляцию факторов в виде классического четырехугольника: (1) огромной потенциальной поживы для преступников, (2) слабого государства и полупарализованных правоохранительных органов, (3) обнищавшего населения, готового на любые авантюры и (4) генерации обнаглевших уголовников. Не следует думать, что данная констелляция и сама “криминальная революция” имели место во всем постсоветском пространстве. Каждое общество уже двигалось собственным путем. Например, в Латвии, Туркмении, Беларуси в силу разных причин события развивались по-иному. Ближайшая соседка Украины и близкая нам по менталитету Беларусь не имела нашего “букета”, поскольку: во-первых, на кону не стоял “главный приз” — массовая приватизация; во-вторых, государство не “сдавало позиций”, приняв диктаторскую форму правления, и по советской традиции центральная власть методически наращивала мощь силовых структур; в-третьих, белорусское население хоть и пережило обнищание, как и в других постсоветских регионах, но мировоззрение “общей судьбы” там не развеялось как дым и не произошло сплошной, в первую очередь психологической, атомизации населения.

Главный вектор “украинской криминальной революции”

Был еще и третий тип криминальных дельцов, которым предстояло превратиться в настоящих героев “украинской криминальной революции”. На сцену вышли преступники времен “застоя” — те, кто не только обладал криминальным талантом, но и сумел правильно ухватить суть изменений и перспективы на будущее, то есть интуитивно правильно понимали главный вектор “украинской криминальной революции”. На повестке дня оказался не просто лозунг экспроприации денег и имущества (обычная криминальная философия), но задача стать собственником и прибрать к рукам то, что прежде было “общенародной собственностью”. Философия капиталиста не была присуща ни уголовникам старой закалки (они вообще отрицательно относились к частной собственности как препятствию для образа жизни “бродяги”), ни “спортсменам” и примитивным бандитам, которые, по сути, были подпольщиками и кочевниками, поскольку научились ловко отбирать чужое имущество, но не овладели наукой удерживать собственность в своих руках. А вот новый тип криминалитета должен был сочетать черты капиталиста и преступника. С одной стороны, иметь образ человека решительного, без комплексов, которого лучше иметь в качестве друга, нежели врага, не останавливаться перед насилием, если оно оправдано интересами собственного бизнеса, а с другой — реализовывать программу накопления легализованного капитала, а значит, не только “взять на хапок”, но и научиться “отмывать” деньги и

шаг за шагом подниматься из криминального андеграунда на новые социальные ступени, обзаводиться политическими связями, а еще лучше самому получить статус политика, защищенного государственным иммунитетом, стать, в конце концов, публичной фигурой, общественным деятелем и т.п.

На памятной пресс-конференции Р.Ахметова, которую он устроил после первого избрания его народным депутатом весной 2006 года (№ 7 по списку Партии регионов), избранник народа на вопрос журналиста о том, как он заработал свой первый миллион, с нескрываемой иронией ответил, что это было время “неформальной экономики” — он, якобы, начал торговать углем и получил первые большие деньги. Интересно, что в те “романтические” времена углем торговали люди, чьи руки никогда не были запачканы черной шахтерской пылью и ничего более тяжелого, чем колода карт, не поднимали. Можно представить следующий сценарий: в кабинет директора шахты приходят молодчики в кожанках, кладут на стол “волыны” (на криминальном жаргоне — пистолеты) и говорят, что отныне именно они будут заниматься продажей угля через собственное малое предприятие или ООО. Директор (а это еще фактически государственный служащий, формально живущий на зарплату) тоже не будет в проигрыше. Возможно, все происходило и не так театрально, не исключено, что директор через доверенных лиц сам искал решительных ребят... Так или иначе, но дело спорится. Уголь отгружается куда-то очень далеко, например за границу. Деньги на шахту не возвращаются, а остаются на частных счетах в оффшорах. Скорее всего, по таким сценариям образовывались первые состояния, происходило первичное накопление капитала, и не за сто лет честного труда протестантской семьи, а за несколько месяцев деятельности за рамками закона. А шахтеры месяцами не получали зарплаты и готовы были на бунт, ведь еще никто не отменял золотого правила, известного каждому школьнику: “если в одном месте что-то прибавится, то в другом — исчезнет”. Тогда директор, профсоюзы, наконец, “братки” организовывали автобусы, “тормозки” и обязательно каски, чтобы было чем стучать по мостовой перед правительственными зданиями в Киеве. Для нас здесь важно то, что появился именно тот тип криминальных главарей (лидеров), который был полностью адекватен задачам “украинской криминальной революции”. Их ждали “великие дела”, ведь где еще в современном мире можно найти шахты, железорудные карьеры, металлургические комбинаты, машиностроительные предприятия, торговые флотилии, плодородные черноземы, которые “лежат при дороге” и ждут своего “эффективного” собственника?

“Мягкий”, законопослушный, отягощенный комплексами морали и образования советский по воспитанию человек на роль нового собственника не годился. Интеллигенция, гордо и смело подхватившая знамя горбачевской перестройки и национально-освободительных движений, была уже не нужна “истории”. Она проиграла все и безвозвратно отошла “на обочину” либо начала поодиночке мигрировать в направлении “цивилизованных стран”. Собственность нужно было обрести в военных условиях, где наступают на горло сопернику без колебаний и раскаяния. Криминальный тип личности, уголовная выучка и философия преступного мира идеально подходили для этих целей. Из десяти (или более) человек, ступавших на путь “неформальной экономики” в 1990-е годы, выживал обычно один (эффект воронки). И если он не заработал пулю в позвоночнике и инвалидную коляску и если не скрывался в далеких теплых или холодных странах от това-

рищей по оружию или правосудия, то этот субъект был готов к новому перевоплощению в духе очередных этапов “криминальной революции”. Если на первом этапе в основном стреляли и конкурировали в духе реалити шоу “последний герой” или “последнему достанется весь приз”, то на новом этапе начался массовый поход за социальным статусом. Герои криминальных войн становятся президентами компаний, банков, генеральными директорами, распространяется мода на депутатство. Советы всех уровней заполнялись “крутыми парнями”, которые первое время даже на заседания приходили в малиновых пиджаках. “Мажоритарка” идеально годилась для этих целей. Вот для чего нужно до предела обнищавшее население! Люди за доллар, за банку сгущенки, бутылку водки, пакетик гречневой крупы готовы были продать свои голоса хоть черту. В головах простых людей царит то, что мы называем ценностно-нормативным хаосом или аномией. На чьи-то призывы не голосовать за так называемых бандитов электорат отвечает молчанием и отдает голоса именно бандитам. Криминальные авторитеты, теневые дельцы, коррумпированные чиновники воспринимаются как “герои нашего времени”. Именно так было и на Сицилии, и в Медельине, и в районах бразильских фавел. Вывод: “криминальная революция” не была бы таковой, если бы широкие слои прямо или опосредованно не участвовали в ней.

В конце 1990-х уличная стрельба понемногу стихает. Многих “джентльменов удачи” уже нет в списках живых, правоохранительные органы постепенно “приходят в себя” и начинают перехватывать инициативу по контролю над малым и средним бизнесом, возникают так называемые красные крыши. Естественно, конкурентов репрессируют с удвоенным рвением. Окончательно вырисовывается главный вектор “криминальной революции”, разворачивается борьба за крупную приватизацию, и ведется она не на улицах. Возникают мощные криминально-олигархические кланы — принципиально новое явление в социальной структуре Украины; они-то и становятся корпоративными агентами этой исторической битвы. Подобный клан по своей архитектонике не составляет абсолютного исторического исключения, он повторяет структуры феодальных времен с системами клиентелистских отношений. Беззащитные рабочие и крестьяне, мелкие торговцы и коммерсанты, отставные военнослужащие и правозащитники даже с облегчением воспринимают патронат сильных мира сего, ведь получают работу, защиту, решение семейных проблем или проблем общины (газификация поселка, дорога, больница и т.п.), а за это составляют социальную базу клана и круг преданных избирателей. Клановая система быстро распространяется, превращаясь в определенную норму социальной жизни. Если в структуру клана входят военизированные отряды, вооруженные люди, а боссы используют насилие как инвестицию, то это уже не просто клан как форма социального устройства отсталой страны, а мафиозная структура. На фоне общего уменьшения количества убийств в эти годы возрастает объем заказных терактов, выполнявшихся профессиональными киллерами. Но не в этом суть происходящего. Борьба за государственную собственность переносится в кабинеты и коридоры власти.

Выжившие в бурные 1990-е годы уже не хотят, чтобы их идентифицировали с бандитами, происходит изменение габитуса. Герои “криминальной революции” переодеваются, снимают кожанки и малиновые пиджаки, повязывают галстуки и бабочки, запрещают под угрозой “сломать ноги” обращаться к ним по криминальным прозвищам (на сленге — “поганялам”), берут уроки родного литературного языка, нанимают стилистов и пиарщиков (поскольку

нужно давать интервью телевизионщикам или выступать на публичных мероприятиях), жертвуют на церкви, занимаются благотворительностью, выступают меценатами. В общем, пластичность, умение адаптироваться и не отставать от требований времени — это, бесспорно, сильные черты победителей “криминальной революции”. Хотя расставаться со славной молодостью и ее символами, пожалуй, тоже нелегко. Мы помним, как известный претендент на президентское кресло в 2004 году так и не снял золотой цепи с шеи, когда снимался его предвыборный ролик в непринужденной семейной обстановке в стиле “гемайншафт”. Так называемая “цепура” до сих пор еще украшает шею многих депутатов всех уровней, председателей облсоветов, мэров украинских городов (но этих символов криминального братства почти не видно из-под дорогих пиджаков и рубашек “от кутюр”). Каждая революция ставит вопрос о власти, и в Украине он встал ребром. Это и есть логический финал “криминальной революции”, когда власть получают не в результате восстания и боевых действий, а именно тот народ, что “безмолвствует”, собственно ручно отдает ее тем, кто получил “главный приз” — богатства страны.

“Криминальная революция” в контексте социокультурной матрицы

Рассмотрим предмет нашего исследования так, как учил П. Сорокин, поместив его в треугольник “человек — общество — культура”. Методология матрицы дает всестороннее представление о социальном феномене, поскольку напоминает исследователю его обязанность рассматривать явление в социокультурной плоскости.

Итак, начнем с человека. В структуре сознания — как массового, так и индивидуального — расшатываются, слабеют и разрушаются социальные барьеры, функционально отвечающие за сдерживание криминогенных импульсов, препятствующие выбору индивидом девиантных и криминальных форм поведения. Теория социальных барьеров — это отдельная тема [11]. Отмечу лишь, что речь идет о выработанных цивилизационными практиками, принятых культурой и транслируемых системами социализации, воспитания и социального контроля запретах на определенные виды социального поведения. Они создаются сотнями лет и многими поколениями людей, но, как показывает опыт кризисных ситуаций, военных периодов, панических сценариев, имеют потенциал для реверса, могут разрушаться с интенсивностью горного камнепада. Сравнительно свежий пример. В Белграде в феврале 2008 года в знак протеста против провозглашения независимости Косово проходили акции протеста. В какой-то момент они переросли в беспорядки, ограбления магазинов, мародерство. Потом по телевидению транслировали извинения двух дамочек, которые тащили из магазина товары и попали на видеозапись. Они не были воровками “по жизни”, и на митинг пришли не ради грабежа. Так почему же вдруг рухнули все внутренние барьеры? В определенных условиях — это довольно реалистичная картина человеческого поведения, и история знает много подобных случаев независимо от расовых и этнокультурных особенностей населения. Нечто похожее, но в широких масштабах, происходит в ходе “криминальной революции”.

Страх и стыд, корпоративные этические кодексы, высокие религиозные или идеологические идеалы — все это при определенных обстоятельствах претерпевает коррозию в максимально широких слоях населения. Здесь речь

идет не о криминалитете, а именно о рядовых гражданах. Почему это происходит? Мы рассматриваем преступление как форму социальной адаптации, открывающей человеку доступ к общественным ресурсам и капиталам. Если поставить народные массы перед дилеммой: либо выживать поодиночке любой ценой (в мирное время, когда никто не требует организованной социальной мобилизации), либо погибнуть, но не поступиться принципами, большинство выбирает первое. Нужна определенная внутренняя работа, диалог со своим “Я” и самоанализ, чтобы ревизовать собственные принципы и установки, поддерживающие социальные барьеры, и легитимировать криминальные поступки. И это успешно делается, а общая атмосфера общественной аномии способствует ревизии ценностей (психологический эффект погромов, когда человек действует как “все” и легко избавляется от барьеров).

Интересно, что на противоправный путь становятся представители всех социальных слоев. Что касается “низов” — тут все понятно. Мы видели, как в 1990-е годы массово ширились криминальные и полукриминальные промыслы: мелкая контрабанда, изготовление контрафактной продукции, прежде всего “паленой” водки, неплатежи за коммунальные услуги и за проезд в общественном транспорте, массовые кражи того, что раньше не было предметом криминальных посягательств (овощи с огородов, домашние счетчики электроэнергии или провода с опор энергоснабжения, тотальное хищение имущества государственных предприятий), кустарное изготовление наркотических веществ и т.д. Одновременно быстро распространялись сопутствующие девиантные формы поведения — алкоголизм, наркомания, бродяжничество, проституция.

Средний класс в Украине не мог даже родиться, “не согрешив”, — таким уж были условия и реалии. Зарегистрировать собственный бизнес, получить разрешение или лицензию, провезти груз через государственную границу, уплатить налог, организовать уличную торговлю — все действия сопровождались неформальными отношениями с коррумпированными чиновниками. К этому добавлялись рэкет, бандитские “наезды” и “крышевание”, ограбления и элементарные хищения, недобросовестная конкуренция в виде поджога киосков и т.п. Средний и малый бизнес у нас напоминает айсберг, где меньшая, надводная, часть — декларируемая прибыль, легальная заработная плата, заявленные виды деятельности, официальное количество работающих, а гораздо большая по объему подводная — все остальное, что и является фактическим стимулом для предпринимателя и реальностью бизнеса по-украински.

А что же высшие слои, или они вне подозрения? Крупный бизнес у нас перенасыщен сугубо криминальными практиками, где, говоря на языке криминального сленга, процветают “дерибан”, “откат”, “кидалово”, “доляшка” и др. Что касается общественного мнения о высших слоях, то здесь даже нет нужды проводить социологическое исследование. Рядовой житель Украины уверен, что все крупные состояния в стране получены криминальным путем. Собственно говоря, у нас даже нет живого примера или мифа о том, как из уличного чистильщика обуви вырос настоящий миллионер. Да и когда бы он успел вырасти? Первые миллионы “зарабатывались” так быстро, что уличный мальчишка не успевал начать бриться. Положение определенной категории украинских верхов унижительно — каждый год заполнять “пустые” декларации годовых доходов, держать деньги за границей, регистрировать недвижимость на родственников или третьих лиц и краснеть как

Альхен из “Двенадцати стульев”, когда уже который раз нужно запускать лапу в государственный бюджет. Двойственное бытие верхов (“синдром Корейко”) является фактом незавершенности “криминальной революции”, которая должна либо достичь логического финала в стройном здании криминального государства с обязательной легитимацией большинства криминальных практик, личных биографий и капиталов, либо нарваться на контрреволюцию и широкую репрессию всего того, что олицетворяет собой этот период исторического развития.

А теперь посмотрим на общество и его институциональную структуру. Внешне она не отличается от нормативной, но институциональные действия и отношения, по сути, становятся мутантами, и не замечать этого нельзя. “Преступное” разливается в обществе, и институции, которые раньше практически не отличались преступной деятельностью, становятся полукриминализованными, а полукриминализованные — почти полностью преступными. Так, в советское время в правовых институциях, институтах образования, науки, государственной промышленности содержался минимальный объем криминальных практик. Это означало, что человек, работающий в рамках этих институций (или имеющий с ними дело), на протяжении жизни имел большие шансы избежать криминальных отношений. Сегодня вероятность этого невысока. Коррупция, купленные дипломные работы и криминальные диссертации, взяточничество при поступлении в учебные заведения — разве это единичные случаи в институте образования? Украинский рабочий может даже и не догадываться, что он является объектом криминальной эксплуатации, ведь большинство предприятий имеет двойные бухгалтерии, расчеты и обязательства, которые оплачиваются из кармана рабочего класса. Наиболее критическая ситуация сложилась в системе правоохранительных органов и юстиции. Собственно здесь проходит один из чувствительных нервов “криминальной революции”, ведь без подавления этих институций, а точнее их тотальной мутации другие процессы оказались бы под большим вопросом. Нигде внешняя форма, антураж борцов с преступностью и общественными нарушениями так не расходится с реальными практиками, как в этих институциях. Ноу-хау заключается в псевдоинституциональном поведении, когда чиновник имитирует “правильную” работу, но собственный статус, профессиональные знания и полномочия использует в противоправной плоскости. Формализация, упорядочение отношений, являясь огромным преимуществом институциональных форм взаимоотношений по сравнению с хаосом и беззаконием “природного состояния”, выполняют функцию крючка для ловли взяток. Социологи НИЛ социально-психологической работы в ОВД при Харьковском национальном университете внутренних дел показали это на примере коррупции в ГАИ. Сложные бюрократические схемы взаимоотношений Госавтоинспекции с владельцами автомобилей имеют простую альтернативу — дал деньги посреднику (они ждут просителя возле или внутри соответствующего учреждения), и институциональное поле расчистилось — человек экономит время, силы и нервы на транзакциях, предусмотренных законом, но отданных в руки чиновников исключительно для их обогащения [12, с. 95–99].

И наконец, культура. То, что произошел упадок общей культуры, и речь идет даже не о высокой и элитарной, а об элементарной и повседневной культуре быта, общения, совместного проживания людей в городах и селах, факт, который отмечают многие наблюдатели. Физическая грязь на улицах боль-

ших и малых городов и грубость отношений даже в малых семейных группах объясняются не отсутствием финансов, а кризисом сознания, “разрухой в головах”. Однако “свято место пусто не бывает”, и в этом есть определенная закономерность, когда место освобождается для чего-то другого, пожалуй, исторически более важного. Дух капитализма если и заполнил сознание и души наших людей, то с каким-то особо извращенным содержанием с очевидным криминальным привкусом. Интегральным индикатором “криминальной революции” в сфере культуры служит волна российского “шансона”, принесшая в широкие народные массы криминальную субкультуру, криминальную философию, сленг, саму тональность криминального бытия. Мало того, что этот песенный жанр с энтузиазмом воспринимался люмпенизированным населением, но именно он широко тиражировался, рекламировался и навязывался средствами массовой информации, что порождает определенные подозрения в отношении лиц, финансирующих радиостанции и производство аудиопродукции. С самим словом “шансон” произошла мутация, свойственная всему, к чему ни прикоснутся преступные практики. Старшее поколение еще помнит: это слово французское по происхождению и означает действительно популярный и многими любимый песенный жанр, но ни малейшего отношения к тюрьме или криминалитету, пусть даже французскому, он не имеет. Получается, что у нас современный рядовой человек благодаря “шансону”, телесериалам, книгам в мягких обложках и уличной лексике хорошо знает то, что двадцать лет назад было содержанием специальной милицейской литературы с грифом “Для служебного пользования”. Он не только знает, но и переживает соответствующие интенции, не подозревая, что тем самым ему приходится заложить душу дьяволу. Вспоминается судьба российского автора современной блатной песни С.Круга. Он заработал неплохие деньги на излюбленном народными массами “шансоне” (его “Владимирский централ” некоторые воспринимают как криминальный гимн), но однажды дьявол пришел к нему в дом в виде обычных налетчиков и забрал душу. Так или иначе, но обычный гражданин, получив в этом ракурсе культурную подготовку, весьма органично становится агентом “криминальной революции”.

Есть у революции начало. Нет у революции конца?

Можно подводить определенные итоги и делать прогнозы. Итак, “криминальная революция” — это в определенной мере стихийный и стохастический процесс, обусловленный системным кризисом общества и государства, сутью которого является мутация обычного социального порядка, масштабная перестройка социальных отношений на базе криминальных представлений, практик, взаимодействий. Движущими силами этого процесса выступают социальные группы, более всего заинтересованные в навязывании обществу превращенных практик. Традиционный криминалитет является только одним из агентов; коррумпированные политики, чиновники, работники правоохранительных органов, подпольные и теневые дельцы вносят свой “популярный вклад” в дело “криминальной революции”. Любопытно наблюдать, как бывшие комсомольцы, офицеры и генералы правоохранительных органов, “красные директора” быстро находят общий язык с теми, кто взял старт с позиции профессионального преступника, и перенимают лексику, мировоззрение, привычки основателей криминального социума. Народные массы тоже не стоят в стороне: они либо подставляют свое

плечо криминальным лидерам, либо и сами пускаются “во все тяжкие”, пытаясь выжить и приспособиться к новым условиям. На место “обычного” приходит “криминальный” социальный порядок. Мы решительно отвергаем разнообразные “теории заговора”, согласно которым нечто подобное может выступать реализацией спланированного сценария. Нет, нужно говорить об альтернативе общественного развития, которая становится максимально возможной при констелляции определенного круга первичных факторов. Кстати, слабость или бездарность национальной элиты также входит в этот круг. Были ли другие альтернативные варианты посткоммунистической трансформации? Теоретически да, были. Но при определенных выше условиях путь социетальных трансформаций через “криминальную революцию” был наиболее возможным, и именно его мы прошли.

Что дальше? Не может же быть революция Non stop. Жизненный опыт приучает нас к мысли, что все имеет свое начало и свой конец. Хотя интуитивное ощущение отнюдь не оптимистично, за первым и вторым этапами надвигаются третий и четвертый, когда “криминальная революция” входит в полосу перераспределения уже захваченного, например, возникает практика криминального рейдерства. Не исчерпан и “главный приз”, а значит, и мотив для криминального наступления. Представляющие интерес для крупного бизнеса объекты приватизации еще ждут своих владельцев. Может, они будут разыграны “честно”? И самое ценное — украинская земля, плодородные почвы, земельные участки в урбанизированных ландшафтах. За них мафии готовы биться не на жизнь, а на смерть. Мы являемся свидетелями того, как в наиболее криминализованных местных советах главным вопросом оказывается отведение земельных участков. Их не интересует ни грязь и мусор на улицах, ни дороги, напоминающие фронтное бездорожье, ни бездомные животные и люди, ни испорченные лифты и многое другое. Они действуют по известной поговорке: “после нас хоть потоп”, лихорадочно решая “земельный вопрос”. Может, это последние акты того, что мы называем “украинская криминальная революция”? Но тот же житейский опыт и научные наблюдения подсказывают другое: социальные процессы, особенно деструктивного характера, крайне инертны, они не заканчиваются сами собой.

Представим несколько возможных сценариев. Первый заключается в том, что криминальный произвол, массовое пренебрежение законами, социальная аномия будут расширяться, а страна превратится в зону криминальной катастрофы. По такому сценарию реальную власть на местах в еще больших масштабах будут брать на себя криминально-олигархические кланы на фоне упадка и дискредитации общенациональных политических институций. Это угрожает целостности страны. Поскольку власть центра будет сужаться, то реальным сценарием может стать дезинтеграция. Не нужно объяснять, что существует немало политических сил внутри и за пределами Украины, которые ждут такого развития событий и готовы приложить усилия к тому, чтоб это произошло.

В истории современной России такая угроза тоже реально существовала, и ответом на вызов было масштабное усиление общегосударственных функций за счет свертывания демократического процесса, компетенций регионов, гражданских и политических прав населения. В.Путин нанес несколько выборочных точечных ударов олигархическим кланам, что заставило других принять правила новой игры. То есть платой является отказ от значительной части демократических благ и переход к авторитарному или

полутоталитарному государству. Кстати, история знает множество примеров того, как отказ от демократии способствовал декриминализации социальных отношений. Классический случай произошел в истории Италии в 20-е годы XX века. В мае 1924 года Муссолини на линкоре в сопровождении военных самолетов и подводных лодок прибыл с визитом на Сицилию. Местный босс мафии и по совместительству мэр одного из городов (совсем как в современной Украине) неосмотрительно высказался в духе того, что Муссолини не нужны многочисленные легавые в сопровождении, поскольку дуче под надежной защитой. Вождь воспринял это как личное оскорбление, ведь в одной берлоге не может быть двух медведей, сократил визит и начал готовить удар по сицилийской мафии. Репрессии имели широкомасштабный характер, за три года по обвинению в причастности к мафии было арестовано 11 тыс. человек, проводились полувоенные операции с захватом населенных пунктов и их тотальной зачисткой, к узникам применялись пытки, организовывались показательные судебные процессы, мафию дискредитировали средствами пропаганды [13, с. 205–229]. В качестве альтернативы криминальному хаосу мы можем рассматривать сценарий установления полутоталитарного порядка по российскому или итальянскому сценариям. Кстати, ни в Италии, ни в России организованная преступность не была сломлена, но чаша весов решительно склонилась на сторону государства.

Третьим сценарием является доведение “криминальной революции” до логического финала, когда криминальный порядок становится формой или субститутом социального порядка. Это означает примерно следующее. Во-первых, полученные криминальным путем капиталы окончательно легализуются, на определенном этапе ставится точка в перераспределении захваченного имущества, капиталистические отношения приобретают более-менее устойчивые формы в посткриминальном варианте. Во-вторых, к власти окончательно приходят герои “криминальной революции”, они решительно и целеустремленно устанавливают новый порядок по собственным “понятиям”, например, останавливают массовую мелкую преступность, ограничивают согласно собственным представлениям свободу прессы и телевидения и их средствами мифологизируют собственные фигуры, утверждают систему неформальных, но де-факто разрешенных практик (кто кому и за что платит, сколько стоит должность, с каким уровнем достатка может жить тот или иной чиновник и т.д. В-третьих, народ не только “безмолвствует”, но и проявляет определенные признаки удовлетворенности, поскольку уже есть какая-то стабильность, постоянно обещают добавить еще 5–10 долларов к пенсии или зарплате, по телевизору нескончаемой чередой демонстрируются любимые криминальные сериалы, а водки, самогона и пива — бездонные океаны (пить беспрепятственно можно на улицах, в парках, автобусах); что касается властных кабинетов, то общественное мнение таково: “раньше в этих зданиях сидели красные бандиты, а сейчас тоже бандиты, а какого они цвета, уже несущественно”. В современной истории стран Латинской Америки подобные “победы” хоть и временно, но случались. Аналогичный сценарий в Украине должен был реализовываться, начиная с 2004 года, но неожиданно помешала внеплановая “оранжевая революция” с ее непривычным для народных движений лозунгом “бандитам — тюрьмы”. Мы рассматриваем народное сопротивление как контрреволюционный по содержанию взрыв, помешавший планам отдать власть наиболее могущественному в стране олигархически-криминальному клану, чтобы тот устано-

вил окончательно новый порядок. Такой взгляд разделяет и определенный круг юристов, например профессор О.Костенко, который отмечал: “Оранжевая революция — это антикриминальная революция. Она стала вполне естественной реакцией народа на криминализацию государства” [14]. Правда, очень быстро выяснилось, что национализировать несколько сотен или тысяч предприятий, захваченных в период “криминальной революции”, невозможно, “бандиты” в тюрьмы не только не пошли, но и обрядились в одежды политических борцов и репрессированных за свои взгляды страдальцев. История опять пошла по кругу. Становится все более очевидным, что самостоятельно украинцы из этого круга выйти не могут. Возможно, четвертым и реалистичным сценарием является широкая международная помощь, собственно постоянный контроль, давление европейских институций, существенные внешние обязательства, которые заставят-таки украинскую элиту прийти к консенсусу в вопросе выбора принципов украинской модели социального порядка, реформировать правоохранительные органы и, главное, собраться с духом и мыслями на пути продвижения к нормативному социальному порядку. Пребывание в изоляции от европейских стран и структур в промежутке между Западной и Евразийской цивилизациями — наиболее опасное положение для украинского общества.

Итак, почему собственно “украинскую криминальную революцию” можно считать социетальным фактором, а не событием локального масштаба, ограниченным социальными и физическими рамками “преступного”? По нашему мнению, она уже выполнила определенную историческую миссию общесоциального масштаба. Задумайтесь, почему Украина сумела, во-первых, пройти путь трансформационных изменений с десятикратным ускорением, во-вторых, несмотря на мощный всесторонний кризис 1990-х годов и черные пророчества недругов, остаться целостным унитарным государством? Возможно, наш ответ покажется претенциозным и парадоксальным, но обратите внимание на макросоциальную функцию “криминальной революции”. Еще в начале 1990-х ставился вопрос эффективного собственника. И было непонятно, где же его взять в социалистической, по сути, стране? А сейчас он, безусловно, есть. Динамика экономического развития свидетельствует о том, что не имевший исторических и мировых прецедентов исторический переход от социализма к капитализму состоялся. Собственники уже не только появились, но и их капиталов достаточно, чтобы Украине не приходилось брать займы денег в международных финансовых институциях, а заниматься самофинансированием на частных основаниях. И это всего лишь на протяжении неполных двух десятилетий! В других странах такие изменения происходили за 100–200 лет. То, что в статье обобщается категорией “криминальная революция”, имеет к указанным изменениям непосредственное отношение. “Криминальная революция” послужила катализатором социально-экономических преобразований в силу своей массовости и самодеятельности широких слоев населения. Она в определенной мере расставила всех по своим местам, поскольку включала механизмы социального дарвинизма. Самые сильные, ловкие, дерзкие, упорные, циничные, жестокие приспособились к новым реалиям, более того — они же их создавали. Форма адаптации была преимущественно криминальной, но никто не предлагал другого, у нас и сейчас отсутствуют этические образцы “морального капитализма”. В итоге криминальные практики стали неотъемлемой частью многих важных сфер социальной жизни, и это — логическое следствие революционных преобразова-

ний. Сейчас встает новый вопрос: а как все это преодолеть или направить его в цивилизованное русло, чтобы стать в конце концов “нормальной” страной? “Криминальная революция” явилась определенным компенсатором, громом отводом для широких масс населения в наиболее трудные времена новейшей украинской истории. Интуиция подсказывает, что если бы в бурные 1990-е к власти пришли такие силы, как в 1920-х годах в Италии, и имела бы место широкая антикриминальная репрессия поголовно всех тех, кто не уважает закон, а еще были бы перекрыты границы для трудовых мигрантов — вот тогда украинское общество могло бы действительно оказаться разорванным.

Мы не оправдываем “криминальную революцию”, как и Дюркгейм не оправдывал преступность, когда указывал на то, что без нее не было бы современных институтов государства, права, религии в том виде, в каком мы их знаем (и вообще, по мнению французского классика, преступность является социальной нормой). Речь скорее идет об обязанности социолога отражать социальную реальность такой, какой она есть. Кстати, под углом зрения правил социологического метода, “криминальная революция” — это патология, поскольку нарушает привычный и монотонный ход событий в сфере “преступного”. Важно, чтобы ее проявления не превратились в национальную норму жизни и чтобы нашим опытом не пугали детей в благополучных странах. Хотя в педагогических целях лет через тридцать–сорок и украинским детям лучше бы не знать всех перипетий первых лет современной истории государства, чтобы не разрушать национальный миф.

Литература

1. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Автор-составитель Вадим Серов. — <http://bibliotekar.ru/encslov/3/66htm>.
2. *Говорухин С.* Великая криминальная революция. — М., 1995.
3. Великая криминальная революция / Анонс фильма. — http://xfiles-all-seasons.nnm.ru/velikaya_kriminalnaya_revoliuciya.
4. *Кара-Мурза С.Г.* Опять вопросы вождям. — www.x-librum.ru/elib/kmrz001/0000081.htm.
5. *Кива А.В.* Криминальная революция: вымысел или реальность? // Общественные науки и современность. — 1999. — № 3.
6. *Тилле А.* Великая криминальная революция в России. Мафия у власти. — www.abouthotels.ru/mosnews.3705html.
7. *Филиндаш Е.* Великая криминальная революция // Грани бытия. — 2003. — № 26 (560).
8. *Новицкий Е.* Криминальная революция в Украине. — www.fraza.com.ua/zametk/13.07.06/26554html.
9. Бандформирования всех стран мира / Автор-составитель Н.Н.Макарова. — Минск, 1997.
10. *Макрашина А.* Криминальная революция в Бразилии. — http://www.gazeta.ru/2006/05/18oa_199975.shtml.
11. Подробнее см.: *Рущенко І.П.* Злочинна воля: кримінально-правовий, психологічний, соціологічний аспекти // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства* : Збірник наукових праць. — Харків, 2006. — Т.1.
12. Корупція в діяльності Державної автомобільної інспекції: результати соціологічного моніторингу / Свеженцева Ю.О., Сердюк О.О., Білоусов Ю.Л. та ін. — Харків, 2007.
13. *Дики Дж.* Коза Ностра: история сицилийской мафии. — М.; СПб., 2005.
14. *Костенко О.* Формула декриміналізації держави. — <http://maidan.org.ua/static/mai/1113900158.html>.